ME
50
K.11

КЪ ДЕСЯТИЛѢТІЮ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

27 Апрѣля 1906 г. — 27 Апрѣля 1916 г.

СБОРНИКЪ
СТАТЕЙ
ПЕРВОДУМЦЕВЪ

Изд-во
„ОГНИ“
ПЕТРОГРАДЪ
1916

Къ 10-лѣтію 1-ой Государственной Думы

27 апрѣля 1906—27 апрѣля 1916

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПЕРВОДУМЦЕВЪ:

Н. А. Бородина, Л. М. Брамсона, А. Н. Букейханова, А. В. Васильева, М. М. Винавера, Н. А. Гредескула, В. И. Долженкова, И. Н. Ефремова, Я. К. Имшенецкаго, Н. И. Карѣева, крестьянина И. Л., Ѳ. Д. Крюкова, В. Д. Кузьмина-Караваева, М. М. Ковалевскаго, В. П. Обнинскаго, кн. В. А. Оболенскаго, Н. А. Огородникова, Д. Д. Протопопова, И. И. Рамишвили, Ѳ. И. Родичева, кн. Д. И. Шаховского, бар. Ѳ. Р. Штейнгеля.

ИЗД—ВО «ОГНИ».
ПЕТРОГРАДЪ
1916

ВЫБОРЫ ВЪ СТЕПНОМЪ КРАѢ[1]).

МАНИФЕСТЪ 17 ОКТЯБРЯ ВЪ СТЕПИ.

На другой день по полученіи манифеста въ Омскѣ, мы телеграммою передали во всѣ города нашей степи о дарованіи неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Повсюду эта вѣсть была встрѣчена съ восторгомъ. Мы получили отъ всѣхъ нашихъ корреспондентовъ восторженныя телеграммы. Особенное впечатлѣніе на киргизовъ произвело обѣщаніе неприкосновенности личности и свободы совѣсти. Они были весьма понятны для киргизовъ, личность которыхъ подвергалась постояннымъ ударамъ грубыхъ агентовъ обрусительной политики,—та же политика постоянно давила религіозную совѣсть киргизовъ, закрывая мечети, медресэ, конфискуя библіотеки. Что же касается свободы слова и собраній, то, благодаря бытовой особенности киргизской жизни, отсутствію фактическаго надзора и незнанію агентами власти туземнаго языка, киргизы, когда въ этомъ была надобность, безпрепятственно осуществляли свободу слова и собраній, что они и доказали въ первой стадіи выборовъ въ Г. Думу, ведя свою агитацію на съѣздахъ, созванныхъ крестьянскими начальниками, въ ихъ присутствіи, и проведя своихъ кандидатовъ наперекоръ желаніямъ начальства.

Въ концѣ октября 1905 года интеллигентные киргизы, жившіе въ Омскѣ, перевели манифестъ 17 октября на киргизскій языкъ и, съ благословенія цензора мѣстныхъ газетъ — вице-губернатора, напечатали въ акмолинской областной типографіи и послали въ степь 10.000 экземпляровъ. Благодаря подвижности киргизовъ, въ короткое время манифестъ сдѣлался достояніемъ всей степи. Повсемѣстно киргизы съѣзжались на большіе и малые съѣзды, обильно угощались, читали манифестъ, комментировали его, обсуждали вопросы о будущихъ выборахъ въ Г. Думу. Киргизы самыхъ отдаленныхъ волостей массами поѣхали въ степные города, гдѣ принимали участіе на городскихъ митингахъ, устраи-

[1]) Акмолинская и Семипалатинская области.

ваемыхъ гражданами. Русскіе, татары, сарты и киргизы слились въ одну братскую семью. Было время хорошее, никогда не виданное! Исключеніе составляла полиція, совершенно изолированная. Она являлась объектомъ безпощадной критики всѣхъ ораторовъ. Дѣятельность полиціи была слишкомъ красочна и понятна слушателямъ. Каждый спѣшилъ пожать лавры на жестокой критикѣ стараго режима и не ошибался. Киргизы впервые были свидѣтелями такой безпощадной критики дѣятельности всемогущей мѣстной администраціи, дѣлавшей раньше дождь и вёдро, а теперь молчаливо присутствовавшей на митингахъ.

Въ началѣ ноября на базарной площади въ Павлодарѣ состоялся митингъ, собравшій весь городъ и пріѣзжихъ изъ степи киргизовъ. Ораторомъ выступалъ Я. Акпаевъ, бывшій мировой судья, вышедшій въ отставку въ дни свободы, «не желая служить съ черносотенцами». Трибуною служили штабели лѣса, сложеннаго на базарной площади. Собраніе внимало экспансивному оратору. Его то и дѣло прерывали хоромъ восклицаній: «палэ! палэ!» (выраженіе вродѣ «валяй!»). Вдругъ все неестественно умолкло. Это поразило привыкшаго къ шумному вниманію толпы оратора. Онъ остановился. Оказалось, что въ толпѣ обнаружили извѣстнаго пристава А., присутствіе котораго считали излишнимъ. Ему предложили оставить собраніе, и онъ... подчинился! Это произвело на слушателей огромное впечатлѣніе.

Поѣздка Я. Акпаева изъ Павлодара въ Каркаралы обратилась въ агитаціонное турнэ. По пути оратора всюду встрѣчали толпы киргизовъ, принимали какъ желаннаго гостя, провожали по дорогѣ и разставались съ нимъ, какъ съ роднымъ. Онъ доѣхалъ до родного города Каркараловъ къ серединѣ ноября. Немедленно на единственной площади, передъ лицомъ полицейскаго управленія, состоялся митингъ. На немъ былъ весь городъ: вся русская интеллигенція, русскіе казаки, татары, сарты и киргизы. Одинъ мой товарищъ, который только что пережилъ тифъ и не могъ ходить, попросилъ, чтобы его повезли туда, и пріѣхалъ. Ораторами выступали судья, слѣдователь, учитель, единственный мѣстный батюшка и Акпаевъ. Разъясняли слушателямъ непонятный конституціонный строй, критиковали весьма понятный слушателямъ старый режимъ.

Трибуною ораторамъ служила кобыла (половину слушателей составляли киргизы верхомъ),—другой подходящей трибуны не было. Былъ моментъ, когда на кобылѣ сидѣло въ разъ два оратора: батюшка и Акпаевъ. Передній говорилъ, второй ждалъ очереди. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Послѣ этого собранія въ Каркаралахъ, въ Омскъ полетѣли телеграммы о предполагаемомъ походѣ вооруженныхъ степныхъ киргизовъ на городъ и объ угрожающей русскимъ опасности. Это была наглая ложь, сочиненная растерявшимися людьми, которые мстили ораторамъ, критиковавшимъ ихъ дѣятельность. Эта ложь стояла въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, особенно послѣ незабываемой братской рѣчи мѣстнаго батюшки, принятой киргизами, какъ символъ единенія народностей.

Потревоженный въ своемъ дворцѣ, степной генералъ-губернаторъ немедленно командировалъ въ Каркаралы товарища прокурора, жандармскаго офицера. Въ Омскѣ говорили, что собираютъ въ степь карательную экспедицію.

Власти на мѣстахъ дѣйствительно успѣли создать опасную тревогу. Я получилъ отъ каркаралинцевъ тревожную телеграмму, опровергающую лживый доносъ и подписанную русскими, казаками, татарами, сартами, киргизами, чиновниками, въ томъ числѣ крестьянскимъ начальникомъ. Телеграмма эта была мною напечатана въ тогдашнихъ газетахъ и по телеграфу передана предсѣдателю бюро земскаго съѣзда Ѳ. А. Головину, но московскій почтамтъ нѣсколько дней не могъ найти его!..

Экспедиція не состоялась. Кромѣ Акпаева, всѣ ораторы подверглись административному наказанію: чиновниковъ перевели въ разныя мѣста, уволили, нѣкоторые сами бѣжали, перевели также въ глухой приходъ отца Ивана.

ВЪ ТЮРЬМѢ ДО ВЫБОРОВЪ.

Въ январѣ 1906 г., въ связи съ событіями дней свободы, въ Семипалатинскѣ былъ назначенъ областной съѣздъ. Меня арестовали на пути изъ Павлодара въ Семипалатинскъ, въ пос. Ямышевскомъ, 8-го января. Между прочими моими бумагами была телеграмма: «Съѣздъ партіи *кадэ* назначенъ 4-го января въ Москвѣ, повѣстка почтою. Корниловъ». Павлодарскій уѣздный начальникъ К., производившій дознаніе, заподозрилъ въ словѣ кадэ опасный шифръ и потребовалъ отъ меня немедленнаго расшифрованія этого слова.

Меня помѣстили въ тюрьмѣ въ лучшей камерѣ, находившейся въ первомъ этажѣ, съ двумя большими окнами, съ большою русскою печью. Первые пять дней никто изъ тюремной прислуги ни словомъ не отвѣчалъ на мои попытки заговорить съ ними. Молча приходили въ камеру, молча топили печь, приносили кипятокъ, молча уходили, отпирали и запирали камеру... Моя паспортная книжка, которую потомъ успѣло потерять омское жандармское управленіе, всѣ мои бумаги, книги, бывшія при мнѣ, были отобраны. Я страдалъ отъ бездѣлья и одиночества и старался убить время гимнастикой.

На шестой день, въ неурочный часъ отворяется дверь моей камеры, входитъ самый строгій изъ надзирателей (назову его С.) и, красный, какъ ракъ, торопливо кидаетъ на карнизъ печи клочокъ бумаги и, быстро убѣгая, бросаетъ въ мою сторону: «Я въ городъ пойду черезъ два часа!» Записка была написана моимъ другомъ, сообщавшимъ новости за стѣною тюрьмы и просившимъ меня написать безъ всякой опаски все, что я вздумаю, и переслать письмо ему черезъ вѣрнаго человѣка, того же С.

Послѣ этого я аккуратно получалъ три столичныя газеты, «Семипалатинскія Обл. Вѣдомости», всѣ потребовавшіяся мнѣ книги, которыя можно было найти въ Павлодарѣ. За 4 съ половиною мѣсяца сидѣнія въ Павлодарской тюрьмѣ вечерами я читалъ цѣлые часы солдатамъ дежурнаго караула Пушкина, Лермонтова и Шекспира. Слушатели располагались въ коридорѣ противъ глазка моей двери, я устраивался у выступа печи, обращеннаго къ двери, переносная лампочка ставилась на карнизѣ печи. Хорошо помню, что большое впечатлѣніе на солдатъ произвелъ «Коріоланъ» Шекспира. По просьбѣ другихъ, не слушавшихъ солдатъ я долженъ былъ повторно прочесть имъ «Коріолана». Солдаты также охотно слушали тогдашнія газеты, но ихъ больше всего интересовали сатирическіе фельетоны и въ нихъ отдѣльныя мѣткія остроты.

По примѣру тогда сидѣвшихъ по всей Россіи товарищей, я неоднократно обращался къ прокурорскому надзору съ просьбою снять допросъ, произвести слѣдствіе, отдать меня подъ судъ, предполагая при этомъ выйти изъ тюрьмы до суда. Но гг. тюремщики имѣли совсѣмъ другіе виды, сажая меня въ тюрьму «на здорово живешь». Отвѣты были одни и тѣ же, въ слѣдующемъ родѣ: «Объявить подъ расписку на семъ же содержащемуся во ввѣренной вамъ тюрьмѣ арестанту А. Б., въ отвѣтъ на поступившее ко мнѣ... его заявленіе, что таковое препровождено на распоряженіе начальника омскаго жандармскаго управленія. Прокуроръ имя рекъ». Пытался я о томъ же просить гр. Витте и министра юстиціи Акимова. При этомъ моя телеграмма (я спѣшилъ), переданная въ Павлодарѣ слѣдователю, почтою отправлялась въ Семипалатинскъ (360 верстъ) г. прокурору и, пролежавъ у него законные сроки, тѣмъ же путемъ возвращалась ко мнѣ. Словомъ, волокита была идеальная. Гр. Витте ничего не отвѣтилъ, а Акимовъ, спустя два съ половиною мѣсяца, сообщилъ бумагою отъ 11-го апрѣля 1906 года за № 84, что «г. Б. находится въ тюрьмѣ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, а потому министерство юстиціи не можетъ удовлетворить его просьбу отдать его подъ судъ».

Въ то же время правая газета, выходящая въ резиденціи степного генералъ-губернатора, печатала инспирированную хронику: «А. Н. Букейханову, какъ мы слышали, предъявлено обвиненіе по ст. 1035 уложенія о наказаніяхъ и т. д.». Это была одна изъ попытокъ покушенія

съ негодными средствами помѣшать моей кандидатурѣ въ члены Государственной Думы отъ киргизовъ Семипалатинской области.

А степь уже готовилась къ выборамъ.

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» былъ напечатанъ «катехизисъ» к.-д. партіи, переведенный тогда же на киргизскій языкъ. Вскорѣ послѣ появленія въ степи этого перевода крестьянскіе начальники были командированы въ степь для агитаціи. Они собирали большіе съѣзды киргизовъ въ степи, разъясняли имъ манифестъ 17 октября, говорили, что до сихъ поръ законы издавались чиновниками, незнакомыми съ народнымъ бытомъ, законы не соотвѣтствовали требованіямъ жизни... Царь созываетъ Государственную Думу, чтобы согласовать законы съ запросами жизни... Киргизы также призваны избирать своихъ депутатовъ. Нужно выбирать людей хорошихъ, а не тѣхъ, которые сидятъ въ тюрьмѣ. Хорошаго человѣка правительство не заключаетъ въ тюрьму...

Киргизы переложили катехизисъ партіи к.-д. и свои агитаціонныя рѣчи въ стихи. На одномъ и томъ же собраніи, происходившемъ подъ открытымъ небомъ, крестьянскій начальникъ со своимъ переводчикомъ занималъ центръ круга; офиціальнаго оратора окружали богатые важные старики, біи. За ними мѣста занимала пѣшая и конная демократія. Здѣсь устраивался на лошади пѣвецъ-балалаечникъ, имитирующій юродиваго, и агитировалъ за тѣхъ, кто безвинно сидитъ въ тюрьмѣ, борясь за народные интересы, и объяснялъ, къ какой русской партіи они принадлежатъ. Собраніе хоромъ кричало: «расъ, расъ!», т. е. вѣрно, вѣрно! Офиціальный ораторъ спрашивалъ у своего переводчика: что значитъ «расъ»? Переводчикъ, какъ и все собраніе, сочувствовавшій агитатору-балалаечнику на лошади, лукаво переводилъ, что собраніе соглашается съ его высокородіемъ.

Такъ крестьянскіе начальники вели за насъ предвыборную агитацію.

Въ степи стражники ловили конокрада и настигли его въ аулѣ всѣми уважаемаго, извѣстнаго мирною жизнью киргиза (назовемъ его Канжигалы). Стражники, арестовавъ конокрада, прихватили и Канжигалы. Въ степи случай самый обычный. Канжигалы посадили въ павлодарскую тюрьму. Онъ, не дождавшись суда, умеръ. Тюремная администрація и уѣздная полиція изъ этой смерти невольно создали благодарный матеріалъ для предвыборной агитаціи. Прахъ покойника отказались выдать семьѣ, задумали хоронить покойника безъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ гдѣ-то за оградою городского кладбища. Борьба за прахъ покойника продолжалась трое сутокъ, семья грозила жалобою высшему начальству въ Семипалатинскѣ и въ Омскѣ. Время было не такое, чтобы полиція не сдалась: киргизы получили своего покойника и увезли домой въ степь, хоронить на родной землѣ. Этотъ случай не могъ послужить въ пользу агитаціи офиціальныхъ ораторовъ.

Въ тюрьмѣ меня держали совершенно изолированно отъ другихъ арестантовъ, большинство которыхъ составляли киргизы-конокрады. На прогулку, полчаса въ день, я выходилъ одинъ. Благодаря одному исключительному случаю, Пасхальную и Ѳомину недѣлю я провелъ со всей тюрьмою. Въ Страстную обыватели гор. Павлодара нанесли «несчастнымъ» куличей, окороковъ, яицъ и прочей снѣди въ огромномъ количествѣ. Подаяніе принималъ тюремный староста и милостынею этою были набиты до крыши два ларя, находившіеся въ кладовой, запиравшейся огромнымъ замкомъ, ключъ котораго находился у дежурнаго надзирателя.

Въ первый же день Пасхи утромъ въ коридорѣ собрался сходъ всѣхъ арестантовъ, въ томъ числѣ и киргизовъ, открыли мою камеру, потребовали и меня на сходъ. Оказалось, что за ночь исчезли изъ запертыхъ ларей нѣсколько окороковъ, куличей, большая партія яицъ. Тюрьма судила надзирателей и дежурнаго изъ нихъ, у котораго находился ключъ отъ кладовой. Судьбище было оригинальное и пристрастное: арестанты состязались въ тюремномъ краснорѣчіи, богатомъ необычайными, непечатными оборотами и красочными словами,—киргизы, къ моему удивленію, не отставали отъ русскихъ товарищей,—разносили надзирателей, которые въ отвѣтъ молчали и потѣли.

Послѣ часовой брани, когда всѣ ораторы высказались, староста предложилъ: «съ паршивой вши ничего не возьмешь, не стоитъ жаловаться на нихъ начальству; пусть вся тюрьма на Святой и Ѳоминой будетъ открыта цѣлый день».

Надзиратели съ полной готовностью согласились. И тюрьма двѣ недѣли пользовалась полной свободою.

Что бы было на Руси, если бы отъ времени до времени изъ государственныхъ ларей не исчезали народные окорока?

15 апрѣля 1906 года меня перевезли въ омскую тюрьму, откуда выпустили 30 апрѣля, когда стало извѣстно, что я единогласно избранъ выборщикомъ въ своей волости.

ВЫБОРЫ ВЪ СТЕПИ.

Во всѣхъ киргизскихъ степяхъ выборы были назначены въ послѣднюю очередь. Въ Семирѣченской области ко дню роспуска 1-й Государственной Думы выборы даже не успѣли состояться. Киргизы имѣли массу свободнаго времени сговориться и столковаться относительно кандидатовъ выборщиковъ и членовъ Государственной Думы. А когда насталъ моментъ выборовъ, то они производились быстро, какъ разыгранная пьеса. Только я въ своей волости прошелъ въ выборщики не безъ борьбы. Нашъ управитель, неграмотный человѣкъ, и его писарь оказались тонкими знатоками избирательнаго закона и толкователями

его. Такъ какъ я не домохозяинъ, а приписанъ къ семьѣ матери, гдѣ домохозяиномъ записанъ покойный братъ, управитель и писарь не допустили меня къ баллотировкѣ. Изъ 27 выборныхъ, уполномоченныхъ, 18 составили приговоръ въ томъ, что они выборщикомъ избрали меня, но, благодаря приведенному разъясненію управителя, выбранъ былъ другой выборщикъ, получившій 14 изъ 27. Уѣздная комиссія, которой дали невѣрныя свѣдѣнія, умолчавъ о смерти моего брата, утвердила выборы. Мы обжаловали ихъ въ губернской комиссіи. Она назначила новые выборы, происходившіе уже тогда, когда засѣдала 1-я Государственная Дума. Настроеніе на мѣстахъ повышалось, администрація и полиція соотвѣтственно чувствовали наступающій у нихъ параличъ. Мы по телеграфу сообщили въ степь о новыхъ выборахъ. Управитель и писарь моментально забыли свое знаніе избирательнаго закона и свою роль толкователей его. Я былъ на этотъ разъ избранъ выборщикомъ единогласно.

Въ началѣ іюня въ Семипалатинскъ пріѣхали 176 изъ 184 выборщиковъ нашей области. По всей области въ выборщики были избраны извѣстные, уважаемые старики, хаджи и молодые богачи. Выборщики представляли всю степную интеллигенцію, тотъ классъ населенія, который на мѣстахъ всегда занимается общественными и политическими дѣлами. Мы стали устраивать группами (для всѣхъ не было подходящаго помѣщенія) избирательныя собранія. На этихъ собраніяхъ выяснилось, что вся область избираетъ меня. Никто соперникомъ мнѣ не выступалъ. Собранія проходили однообразно, они не напоминали избирательныхъ собраній, проходящихъ въ острой полемикѣ противниковъ. Вся борьба, сопряженная съ выборами, была исчерпана въ степи, когда выбирали выборщиковъ. За два дня до выборовъ мы узнали, что противъ моей кандидатуры агитируетъ среди устькаменогорскихъ и зайсанскихъ выборщиковъ (родъ Найманъ) извѣстный старый докторъ-киргизъ и выставляетъ свою кандидатуру. Онъ не былъ выборщикомъ, но, пользуясь невѣдѣніемъ киргизами-выборщиками избирательнаго закона, докторъ А. преслѣдовалъ какую-то неизвѣстную намъ цѣль. Вечеромъ я получилъ приглашеніе въ гости къ выборщику С. Чорманову, зятю доктора. Мои друзья, говоря, что я пройду въ депутаты противъ устькаменогорскихъ и зайсанскихъ выборщиковъ, совѣтовали мнѣ отказаться отъ приглашенія; но я заявилъ имъ, что кандидату въ члены Государственной Думы не подобаетъ избѣгать избирательныхъ собраній, и отправился къ Чорманову. У него была односторонне избранная публика: преобладали муллы, хаджи и старики, было ихъ около 40 человѣкъ. Они учинили мнѣ форменный допросъ съ пристрастіемъ, интересовались вопросомъ, какъ я смотрю на религію, буду ли я защищать религіозные интересы киргизовъ въ Государственной Думѣ? Не постѣснились ставить вопросы о моей семейной жизни. Докторъ А. съ интересомъ наблюдалъ за нашими преніями. Бесѣда наша затянулась до восхода солнца и завершилась фетвой старика хаджи устькаменогорца Кайран-

бая, заключившаго свое благословленіе киргизской клятвой: «Пусть лишится жены и будетъ невѣрнымъ тотъ, кто не выберетъ завтра Алихана». Докторъ въ то же утро выѣхалъ изъ Семипалатинска. Онъ, кажется, обманулъ надежды своихъ патроновъ.

Семипалатинскій губернаторъ генералъ Галкинъ пригласилъ насъ къ себѣ на бесѣду. Я говорилъ своимъ товарищамъ, что они пріѣхали на выборы, а не въ гости къ губернатору, что не нужно ходить. Мнѣ отвѣчалъ тотъ же Кайранбай: «Милый сынъ мой! когда бывало, чтобы насъ въ гости просилъ губернаторъ?.. Если мы дожили до настоящихъ красныхъ дней, то что можетъ намъ сдѣлать губернаторъ? Мы пойдемъ, послушаемъ, какой онъ соловей!..»

Рѣчь генерала Галкина для насъ была стара. Съ нею киргизы были знакомы еще съ зимы. Галкинъ давалъ слушателямъ наставленіе, кого слѣдуетъ выбирать и кого не слѣдуетъ выбирать въ депутаты. Слушатели отвѣчали ему: «расъ! расъ!»... а на слѣдующій день выбрали меня 175-ю шарами изъ 176.

Алиханъ Букейхановъ.